

Автор: Есельсон С.

— Я очнулся в пять утра: взгляд упал на часы — там было уже пять. В комнате горел свет, поэтому не было видно, что уже светает.

— Вы употребили глагол очнуться.

— Да. Употребил. Интересно. Даже не заметил. Наверное, это похоже на запой. Хотя не знаю, как запойные пьяницы переживают выход из запоя. Никого не было у меня запойных.

— Вы «очнулись» и...

— И с ужасом обнаружил, что моя зависимость непобедима.

— Непобедима?

— Извините, доктор. Я понимаю, вы сейчас скажете: чего же, мол, ты ко мне ходишь, если болезнь нельзя победить? Это я после очередного срыва так думаю. Но мысль так переменчива. Через час я уже думаю иначе.

— То есть в шесть утра вы уже думали иначе?

— Ну, доктор, нельзя же так буквально. В шесть утра я спал. В восемь — молился, брился, умывался, завтракал и бежал на работу.

— А о чем же вы молились?

— Как о чем? Просто так. Положено утром. Ну, вот обычно у меня так: помолился, взглядом встретился с выпиской из Антония Сурожского о том, что в Царствие Божие идут не от победы к победе, а от поражения к поражению. Доходит тот, кто не оглядывается на поражения, встает, отряхивается и продолжает путь. После этой фразы приободрился — и вперед.

— Это у вас «обычно» так?

— Что «обычно», не понял вас?

— Вы же сказали, что «обычно» у вас так: встал, побрился, помолился, встретился с фразой.

— А... да, действительно, обычно. Это вы точно подметили. Обычно так. Сотни раз так. Но сегодня было новенькое.

— Новенькое?

— Да. Я у вас на одной психотерапевтической группе встретился с молодым человеком, который рассказывал, как он почему-то — я не понял почему — предложил своей гражданской жене ни в чем не ограничивать свою свободу. Наверное, Сартра начитался. И она вскоре привела в гости парня, который ей приглянулся... помните, доктор?

— Нет, не очень. У меня проходит очень много групп, извините. Напомните, пожалуйста.

— Он сначала мучился, когда его жена со своим знакомым отправилась в их спальню, а потом не выдержал и к ним присоединился. Но жизнь втроем ничего для этого молодого человека не решила. Они расстались. Молодой человек утверждал, что всему виной его ревность, и пришел научиться бороться со своей ревностью.

— История была интересная, припоминаю. А при чем тут ваше «новенькое»?

— А при том, что я не просто в порно-сайтах сижу — я там ищу сюжеты, где муж продает жену за деньги, где делится ею с друзьями, где соглашается, когда ее хочет кто-то другой или когда она приводит любовника. И все соглашается, соглашается, соглашается, и все уступает, уступает, уступает.

Они долго молчали. Казалось, доктор ошарашен таким поворотом. Потом доктор вымолвил: «Это и есть «новенькое» или что-то еще?»

— Что-то еще. Меня поразило открытие: я — предатель, соглашатель, трус по жизни. Я редко вступаю в схватки — я их боюсь. В юности я любил стихи с такими строками: «Смелее в бой иди, а бой решит судьба». Я сейчас даже не помню, чьи это стихи. Все ушло с юностью.

После сеанса доктор долго не выходил из кабинета: пил кофе, курил, бессмысленно открывал разные книги и вспоминал. Потом сообразил взглянуть в календарь, потом открыл церковный календарь и ахнул. Был вечер накануне 3 октября — дня памяти князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора.

Доктор открыл ежедневник, нашел дату своей предстоящей командировки в Москву и записал: «Встретиться с Ольгой».

* * *

3 октября 2008 года в Москве выдался на редкость теплый для октября день. В этот день на станции метро «Юго-Западная» случилось маловероятное событие: наш герой, прилетевший в Москву, собирающийся в

полночь уже уехать из столицы и по этому поводудвигающийся в сторону Ярославского вокзала, вернее его камер хранения, сел на сиденье, отдышался и встретился глазами со своей давнишней приятельницей, коллегой по бывшей работе, вышедшей замуж за чекиста, осевшей в Москве и полностью потерявшей из виду. Ольга тут же пересела к нему, и началась оживленная болтовня, продолжившаяся у нее дома за роскошным домашним обедом.

У Ольги был умысел. Она просила встретиться со своим мужем, претерпевшим, по ее словам, за последние годы удивительную метаморфозу, ставшим глубоко верующим православным человеком, ушедшим из органов в отставку, поступившим в Свято-Тихоновский институт с мечтой превратиться в батюшку, а Ольгу превратить в матушку. Все было бы хорошо, если бы не одна загвоздка — она была психологом, а он вдруг уверился, что психология как дисциплина — в лучшем случае, недоразумение, а в худшем — бесовская затея и бесовское занятие.

Оля просила нашего героя поговорить с мужем. Благо сделать это было нетрудно — он

устроился работать сторожем в церковь, расположенную в центре, не так далеко от вокзала, и можно было прийти к нему вечером, после закрытия церкви, и от души поговорить. А она, в случае согласия, бралась оповестить мужа о предстоящей встрече.

Герой пошутил: «Чтобы записывающие устройства подготовил?» — и тут же пожалел об этой шутке, потому что Оля неожиданно восприняла ее всерьез и начала с жаром убеждать, что со старым муж завязал и теперь плывет в новую жизнь, в которой царствует любовь — а любовь, по апостолу Павлу, «всему верит».

Муж Ольги оказался 45-летним здоровяком с огромной окладистой бородой, твердой поступью и прямым уверенным взглядом из-под косматых бровей.

Они виделись однажды, лет десять назад. Тогда муж Ольги был подвижным, рыжеволосым, часто улыбающимся — правда, с некоторой натужностью. Сейчас рыжеволосость обернулась седовласостью, подвижность — основательностью, а натужная улыбочка — внимательной серьезностью, тоже, правда, несколько натужной. А так все ничего.

— Ты мне объясни просто, на пальцах, зачем вы, психологи, нашей церкви нужны?

— А почему это церковь ваша? И кто вы?

— Ну ладно. Не кипятись, не цепляйся к словам. Ответь по существу.

— Чтобы человеку было ясно, с чем идти на исповедь.

— Интересно, будто без вас это было не ясно. Столетиями ходили благополучно, а теперь, якобы, нужны им психологи.

— Валера, ты читал «Окаянные дни» Бунина?

— Нет, а ты это к чему?

— Так почитай! Доходились до революции и почти всеобщего зверства после нее.

— Ладно, почитаем... Ты вот что, расскажи практически, как ты работаешь, чтобы было кристально ясно — как и кто после твоих занятий доходит до исповеди, а кто наоборот.

— Ну, давай. Хотя настрой у тебя злобенький. Это у тебя от Свято-Тихоновского или от бывшей работы?

Валера будто запнулся, уставился удивленно. А потом сказал: «Ладно, проехали. Давай дальше».

— Ну, давай дальше. Ты житие Михаила Черниговского помнишь?

— Нет, напомни.

— Так вот, слушай. В XIII веке, когда монголы пришли на Русь, она была расколота на два больших государства, два великих княжества: Владимиро-Суздальское и Галицко-Волынское. Монголы, не вдаваясь в детали госполитики, погромили оба. Киев к тому времени давно утерять свое столичное значение, был что-то типа уездного города, иначе — райцентра в Черниговском княжестве, входившем в состав Галицко-Волынского великого княжества.

Когда начали подходить монголы, киевляне послали гонцов в Чернигов, чтобы князь пришел и исполнил свои обязательства по защите города, входящего в его владения. Князь Михаил не замедлил появиться в Киеве со своей дружиной-армией и начал готовить город к осаде.

Монголы прислали послов — вести переговоры об условиях сдачи города. И князь решил провести PR-акцию по укреплению боевого духа армии, а заодно подавлению в зародыше пораженческих настроений среди горожан. По его приказу послов повесили на площади, так что любой мог к ним подойти, плюнуть в мертвого монгола и убедиться в их слабости и смертности.

Михаил, конечно, не знал, что по уложениям Чингисхановым (законам монгольской империи) самым страшным преступлением считалось убийство послов, и город, где были

убиты монгольские послы, полагалось стереть с лица земли вместе со всеми жителями и зданиями.

Михаил, между тем, успокаивал и успокаивал взволновавшееся было население. По окрестным селам ездили глашатаи и убеждали народ — идите под защиту Киева, сам князь Михаил с дружиной пришел из Чернигова, идите в Киев под его защиту, князь Михаил — настоящий мужчина, он не даст вас в обиду.

И люди, поверившие властителю, снимались со своими семьями, бросали хозяйство и ехали в Киев. О, если бы они поверили своему чутью и забились подальше, вглубь лесной чащи!

(Валера перебил: «Что за чутье такое?»)

— Ну, помнишь, как у Паниковского — что сейчас будут бить. Тебе это разве не знакомо?

Валера степенно вытащил складной нож, палочку, стругнул ее, вздохнул «Все, проехали, давай дальше». По всему видно было, что истории этой он не знал даже в самом общем виде.)

— Между тем разведка сообщала, что силы монголов к Киеву стягиваются немеряные. Что это не привычные половцы, печенеги, хазары, что их — тьма. И Михаилу, как человеку военному, бывалому, стало понятно, что Киева ему не удержать ни при каких обстоятельствах.

Сейчас уже известно, что под общим названием «монголы» двигалась вся Средняя Азия — рядовые всадники были, кажется, туркмены, а осадные орудия обслуживали китайцы: собственно монголы же были сотниками и тысячниками.

Монголы неспешно, но неотвратно брали Киев в кольцо окружения. Кольцо еще не сомкнулось, и можно было еще успеть что-то или кого-то вывезти: стариков, скажем, или детей — решать надо было быстро. И князь Михаил решал. Что самое главное? Армия. А в армии что самое главное? Ее руководство.

Ночью из Киева выехал караван: заморские купцы везли грузы. В ближайшем лесочке караван остановился, поклажа была сброшена с коней и зарыта. «Купцы» переоделись, вскочили на коней, и отряд поскакал в направлении, противоположном направлению движения каравана. Следы были успешно замечены, так, что даже если стражи

городских ворот были бы монгольскими соглядатаями, то они не смогли бы сориентировать тех — где искать князя.

Отряду, ведомому князем Михаилом и его начальником штаба боярином Феодором, удалось незаметно выскользнуть из монгольского окружения и доскакать — совсем не до Чернигова, а до Карпат: незадолго до этих событий князь Михаил женил своего сына на венгерской принцессе. Князя Михаила приняли в Венгрии как дорогого гостя, предоставили в распоряжение его и его отряда замок, выдали некоторые денежные средства. И жизнь в политической эмиграции потекла.

Война войной, а торговля торговлей. Первый же пришедший караван принес весть — Киева больше нет: ни жителей, ни зданий — одни развалины. И далее каждый пришедший с той стороны купец это подтверждал, расцветчивая картину всякими жуткими подробностями.

Однажды Феодор зашел к своему другу и начальнику князю Михаилу с признанием, что ему очень не по себе. Не по себе было и Михаилу. И чарка-другая это чувство не прекращали. Оно жило в груди отравой и отдавалось в темени постоянным напряжением, изредка переходящим в тяжелые вздохи.

Михаил с Феодором решили возвратиться. Отряд остался в эмиграции, а два всадника в простых одеждах поскакали в сторону Киева.

Наверное, это было безрассудство — преодолевать такое расстояние вдвоем, без хорошего вооруженного сопровождения: после того, как монголы погромили княжества, а великий князь Галицко-Волынский ушел от монголов за Карпаты, на огромной территории, что сейчас называется Центральной, Западной и Северной Украиной, царил хаос, орудовали в большом количестве «лихие люди», решившие, что пробил час их торжества.

Путь назад оказался на удивление простым. «Лихие люди» им не встретились.

Киев лежал весь в развалинах. Развалины были тихие — ни зверя, ни ворона. Михаил решил проехать к Десятинной церкви, построенной когда-то самим князем Владимиром на его собственные деньги — десятину от его доходов. О церкви ходили легенды, что она будет последним оплотом, что ни нога антихриста, ни нога ни единого из слуг антихриста не переступят ее порог.

Все оказалось правильно. Никто не преступил порог. Церковь была сожжена — вместе со всеми, кто был внутри. А судя по останкам, это были, в основном, дети.

Михаил с Феодором поехали к пещерам. И там, наконец, увидели живого человека. Старый, босой монах с тяжелой грудью шурился на Днепр. Может, его тяжелое прерывистое дыхание с кашлем и приманило Михаила и Феодора.

Михаил просил найти им священника. Монах священником и оказался. Это могло бы выглядеть и удачей, если бы ни скорбные обстоятельства. Монах-священник, узнав, в чем дело, тяжело вздохнул и со словами: «Дух ходит, где хочет», ушел облачаться.

В чем исповедовались Михаил с Феодором, точно не известно, но можно догадываться.

Если бы они были моряками, то догадаться было бы легко — как-то испокон века стало принято в среде моряков, что капитан должен последним покидать гибнущий корабль. Первыми покидают крысы, а последними — капитаны. Почему так? А не почему. Так принято — и точка.

Но вот в политике, среди всяких начальств, такое было вовсе не принято.

Вот недавно в том же Киеве президент сбежал после того, как обнаружил, что отряд его охраны внезапно снялся и ушел. Так ты его спроси: «Ты чего сбежал с боевого поста?» — А он тебе: «Так я же мог погибнуть». Ты ему: «А вот Альенде в Чили не сбежал, погиб на боевом посту...» — А он тебе: «Ну и кому от этого польза?»

Михаил и Федор, само собой, знали о первых русских святых — князьях Борисе и Глебе, отказавшихся противостоять узурпатору власти, их брату Святополку, — те, конечно, погибли, но мощи их оказались нетленными и даже чудотворными.

Михаилу казались Борис и Глеб какими-то странными, лишними, непонятно к чему призывающими и куда ведущими. То ли дело их отец, князь Владимир — твердой рукой создал огромное государство, уничтожил даже мысль о возможности сопротивления себе, правил безоговорочно, крутил как хотел, а потом захотел и крестил — а кто ему указ?!

Князь Михаил не понимал князя Бориса, любимца князя Владимира, прочившего его в свои наследники — зачем он пошел на смерть?

Но теперь, после исповеди, вопрос «что я теперь могу сделать для поверивших и доверившихся мне людей, которых я обманул и бросил?» — стал перед ним во весь свой полный рост. И ответ был один — присоединиться к ним.

Ответ был столь же безумный для всякого здравомыслящего человека, что и ответ князя Бориса, не захотевшего продолжать традицию междоусобиц и решившего подчиниться Святополку, которому, как оказалось, невозможно было в это поверить. Князь Борис стал внезапно и ближе, и понятнее князю Михаилу. Вместе с Феодором помолился он обоим русским князьям — Борису и следовавшему за ним Глебу, и попросили они у священника благословения на смерть. Никто у него раньше не брал такого благословения — и позже не брал: благословения вообще-то не на смерть, а на то, чтобы сделать то, что они в свое время не сделали. Священник благословение дал, но в конце добавил от себя: «Но только чтобы по-божески», — махнул рукой, тяжело вздохнул, резко повернулся и засеменял по еле заметной тропинке по склону горы.

Ставка Батяя располагалась в низовьях Волги, в районе нынешней Астрахани. Узнать, где она находится, не составляло труда — кроме монгольских там стояли уже и шатры русских князей и их челяди. Князья туда понаехали за утверждением в должности — к новому начальству. Приезд князя Михаила и Феодора был воспринят с неподдельной радостью.

— Здорово, что приехали. Присоединяйся, Михаил.

— К чему присоединяться?

— Да мы уже тут с татарами все вопросы перетерли, поняли друг друга. В принципе, они ничего не хотят большего, чем хотел великий князь. Дань — в таких же размерах. Церковь обязуются не трогать, никакой своей веры не навязывать, так что все Слава Богу! Вот сидим здесь, ждем, когда Батый выдаст грамоты — утверждение на княжение. Смотрим на монголов — любопытный, надо сказать, народ, но грязный, воды не любит».

— Да я же не за тем приехал, — перебил Михаил.

— А зачем же?

— Смерть принять. И я и Феодор.

— Какая смерть?! Жизнь ведь только начинается!

— Какая жизнь, когда я столько людей на смерть обрек! Они мне поверили, а я их

кинул. Нет ни Киева, ни его жителей. Все люди убиты, все дома разбиты. Мы туда ездили, своими глазами все видели.

В группе слушавших его князей неожиданно появились смешки:

— Слушай, у нас у всех погибли города. Ну и что? Это дело наживное. Бабы новых людей нарожают. Города отстроим — краше прежнего. Главное, с монголами договорились.

Князь Михаил удивленно посмотрел на говорившего:

— Я виноват перед теми, кого нет уже на белом свете. Я не сделал того, что должен был сделать. Причем здесь новые люди? Новые люди не могут заменить старых.

Весть о появлении князя Михаила дошла до монголов. Монгольские чиновники тогда были люди не гордые, без особых церемоний. К князю Михаилу подъехал

церемониймейстер Батыя, спешился и объявил князю Михаилу, что Батый услышал о приезде его и Феодора и ждет их завтра утром. Только прежде чем зайти к Батыю, надо пройти некоторую процедуру, а именно пройти между сигнальных костров и поклониться духу Чингисхана.

Князь Михаил переглянулся с Феодором и обратился к переводчику: «Скажи ему, что мы это делать не будем».

Церемониймейстер Батыя в ответ сообщил, что отказавшимся проходить церемонию полагается смерть. Во-первых — сигнальные костры могут обнаружить злой умысел идущего на аудиенцию к Батыю, и если кто отказывается, то это сразу означает, что злое умысливает против него, а во-вторых, не оказать почтение Чингисхану — значит обидеть весь монгольский народ и лично Батыя, внука Чингисхана, в том числе.

Он предложил Михаилу и Феодору подумать до утра и ушел.

Свидетели этой сцены после ухода монгола навалились на Михаила.

— Зря ты отказываешься. Подумаешь, ерунда какая! Они люди дикие. Сообрази, когда ветра нет, и проходи промеж костров — они не шелохнутся. А дух этот ихний — так кивни головой на восток. Подумаешь, велика важность. Мы все так делали — ничего не случилось. И с тебя не убудет.

— Мы не будем этого делать.

— А если думаешь, что грех большой совершаешь, то сходи, покайся. Мы так делали — даже епитимью не наложили ни на кого. Бог — он понимает. Или ты гордишься, хочешь в этом быть светлее нас?

— Мы не будем этого делать, не для того приехали.

— А для чего ж?

— Принять от монголов смерть и присоединиться, хоть с опозданием, к нашим людям.

— Какая смерть?! Жизнь только начинается. Понавези баб, понавези мужиков, чтоб баб брюхатили. Отстрой Киев.

— Мы будем от монголов принимать смерть.

— Ладно, проспитесь, к утру свежими будете. Утро, говорят, вечера мудренее.

Утром Батыевский церемониймейстер разыскал Михаила и Феодора.

— Готовы?

— Нет. Мы этого делать не будем.

Их тут же взяло его вооруженное сопровождение, отвели на место казни. Еще раз спросили, получили ответ, отрубили им головы и вместе с телами бросили на съедение голодным псам.

Трое суток трупы лежали около псарни, трое суток голодные псы нюхали тела. Скулили, но не трогали. Псов не кормили, псы голодали, но трупы не трогали.

И еще двадцать дней пролежали останки князя Михаила и боярина Феодора — монголы не разрешали их забирать для мирного захоронения по православному обряду. Двадцать дней эти выдались на редкость жаркими, но трупы не разлагались. У монголов пошли разговоры, закралось подозрение, что дело тут нечистое и непонятное, и было решено выдать русским трупы на захоронение, с глаз долой.

(Валера грозно глянул из-под косматых бровей: «Ерунда. Князь Михаил отказался выполнять языческий обряд, за это его убили, вот и все. Христианский мученик. Все остальное лишнее».

— Ты это серьезно?

— Совершенно. Вся эта история — лишняя. Ни к чему нам она.

Уточнения, кому это «нам», не последовало. Потому что Валера встал и тяжелой походкой, не терпящей возражений, пошел к выходу из двора церкви. Молча открыл ворота. Сухо попрощались.)

Прошло время. Как-то наш герой посмотрел фильм «1612 год» и потом долго плевался и искренне недоумевал — как можно так исказить историю, так лжесвидетельствовать, так оклеветать прекрасную женщину с несчастной судьбой, Ксению Годунову, и спокойно жить, добра наживать, премии и ордена получать — как авторы этого фильма.

А потом мысли его повернулись к истории князя Михаила. А ну как и я — не вымыслил ли чего? Не докопался? Оставил что-то без внимания? А что-то исказил? И полез в исторические раскопки.

Что двигает начальствами? Что-то же двигает?

Ехал как-то в поезде с муровскими операми. Делились. «Взял след, ноздри раздуваются, энергии прибавляется. А когда я его достал, догнал, загнал и беру! Вот оно — счастье! Мною двигает чувство справедливости!» Я ему: «Если бы я вам читал лекции, то начал бы с того, что если у вас меньше пяти версий, то вы попались. Сами себя загипнотизировали!» Он: «Батя, сомнение у меня отнимает силу».

Начальству, сколько я его помню, силы давала игра. Помню, большой кабинет и в нем сидит большой начальник, совсем один, и раскладывает пасьянс. С ходу спрашивает: «Как думаешь, если Жорик войдет в альянс с пятым кабинетом, нам стоит тотчас выкладывать главному материал про Жоркины дела с углем или повременить, пропустить ход, пока пятый кабинет хорошенько в Жорике не погрязнет?» И глаза спрашивающего такие глубокие, задумчивые — как у Ленина в картине «Ленин слушает Бетховена».

Начальство XIII века двигала жажда престолов. Княжеских престолов было много, и жизнь начальства считалась состоявшейся, если удавалось завладеть не одним, а несколькими престолами.

Из всех престолов было два наиболее престижных — великокняжеские престолы — Киевский и Владимирский.

Наш герой погружался в чтение одних, других, третьих материалов — и чем глубже — тем с большим удивлением взирал на круговерть игр престолов Руси XIII века.

В 1237 году монголы, под руководством хана Батыея, пришли на Русь. Начали они с рязанского княжества. В это время Михаил княжил в Чернигове, но владел еще престолом в Галиче (в Прикарпатье) и в Смоленске.

Когда монголы начали погром Рязанского княжества, к Михаилу в Чернигов примчался рязанский боярин Евпатий Коловрат. Примчался как к человеку, за двадцать лет до того сталкивавшемуся с монголами в битве на Калке и, по разумению Евпатия, имевшего зуб на монголов. Но Евпатий ошибся. Михаил отказал в помощи — как раз памятуя битву на Калке и тот факт, что рязанцы в ней не участвовали.

Монголы громят Рязань и двигаются на Владимир. Военная кампания у князя Владимирского Юрия складывается на редкость неудачно. В довершение всех неудач Юрий гибнет. Владимир взят монголами и разграблен.

И тут становится ясно, что монголы держатся одного на редкость подходящего для коллекционирования престолов обычая — они города грабят, насильничают над бабами, заставляют в дальнейшем платить налог — дань, но уходят из взятых городов, в них не селятся, не создают оккупационного режима.

В ограбленный Владимир и, соответственно, на освобожденный Владимирский престол, в то время самый престижный в бывшей Киевской Руси, из Киева стремительно выдвигается киевский князь Ярослав. И становится великим князем Владимирским. В Киеве во время этого замечательного похода был оставлен небольшой гарнизон Ярослава. Это событие не осталось незамеченным другими коллекционерами.

Князь Михаил двинул из Галича и Чернигова войска на Киев. И стал великим князем Киевским.

Заметим, шел 1238 год. В учебниках его всегда поминают как год полного монгольского беспредела над Русью.

Михаил оказался в 1238 году дальновиднее Ярослава. Уезжая из Галича, посадил на престол рядом с собой своего сына Ростислава, нарек его князем Галичским, оставил в Галиче значительный воинский контингент или просто умело распространил об этом слухи — Михаил любил PR-акции и умел их организовать. Впрочем, сыну он предложил сокняжить с ним, т.е. престол оставил за собой. Сыну, между прочим, было в этот момент одиннадцать лет.

Михаил переехал в Киев и начал жить по-великокняжески. Но недолго.

Ровно через год войска монгольского полководца Мунке, будущего великого хана, взяли и разрушили Чернигов и двинулись к Киеву. Было лето. Монголы стали лагерем на левом берегу Днепра, напротив Киева.

Князь Михаил был человеком многоопытным, в том числе и в военном деле. Было понятно, что после длительного похода армия Мунке выдохлась. Кроме того, наблюдения за поведением монголов показывали, что они совершают свои успешные походы исключительно зимой, пользуясь замерзшими реками. И, когда Мунке прислал послов для переговоров об условиях сдачи, Михаил совершенно безбоязненно этих послов повесил. И оформил это как PR-акцию, по привычке.

Мунке был взбешен. И он публично поклялся, что Киев, все его здания, его жители и сам князь Михаил будут уничтожены. Унижение Мунке усугублялось тем, что без подкрепления летом он был бессилён взять город. И Мунке позаботился об утечке информации — чтобы в Киеве знали об его клятве.

Тем временем в Галиче кто-то сумел подсуесться так, что одиннадцатилетний князь Ростислав оказался один на один с проблемами власти. Князю Михаилу было не до Галича. А юному Ростиславу была подброшена мысль о возможности небольшого победоносного похода в Литву. Видимо, возможность одержать победу без папы,

самостоятельно и что-то этим папе показать оказалась прельстительной. Ростислав практически со всеми своими военными силами выдвинулся в Литву. И произошло обычное для тех времен. С Волыни, из Владимиро-Волынского выдвинулся со своими войсками дядя Ростислава, брат его мамы, князь Даниил — и занял Галич.

Впрочем, Даниил до 1235 года уже владел Галичским престолом, но после неудачной попытки пополнить свою коллекцию Черниговским престолом был обыгран в очередном туре игры престолов князем Михаилом, перехватившим у Даниила престол Галичский.

И вот идет зима 1238–1239 годов. Поход Ростислава на Литву оказался ловушкой. Армия разбита. Возвращаться некуда — престол захвачен дядей Даниилом. Возвращаться к папе в Киев таким вот разбитым неудачником никак невозможно для Ростислава.

Неизвестно, кто ему это присоветовал, но Ростислав поехал в Венгрию, в ее тогдашнюю столицу Секешфехервар к королю Беле IV, давнему недругу дяди Даниила.

И тут случается романтическая история. У короля Беле IV была дочь Анна, которой исполнилось 13 лет — самое время начать смотреть на мальчиков. И первый мальчик, на которого она посмотрела, был юный князь Ростислав. Вдохновленный новыми перспективами жизни Ростислав отправляется к отцу в Киев — нужно организовывать сватовство.

Ростислав приехал вовремя. После клятвы Мунке князь Михаил стал заметно нервничать. Армия Мунке стояла на другом берегу Днепра и явно дожидалась подкреплений. А у Михаила не было достаточно военной силы для того, чтобы разгромить Мунке, пока подкрепления не подошли.

И тут такой случай.

Михаил объявляет, что едет на очень важное дело, наиважнейшее дело — сватать сына. И исчезает вместе с Ростиславом из Киева.

Отъезд князя Михаила в Венгрию не остался незамеченным князем Даниилом.

Что главное в играх престолов? Стремительность ходов. Даниил лично отправляется во главе своего военного отряда в Киев, оставив основные военные силы в Галиче. Рассчитал Даниил все правильно: достаточно оказалось небольшой пламенной речи с упоминанием клятвы Мунке и названием срочного отъезда Михаила предательством — и киевский гарнизон в полном составе перешел на сторону князя Даниила — как и киевские бояре. Даниил становится великим князем Киевским, но в Киеве надолго не

задерживается. Оставляет там своего наместника, воеводу Дмитрия, и отъезжает назад, в Галич. Киевляне могут только крутить головой, разинув рот...

Между тем Михаил с Ростиславом были приняты Белой IV вполне подобающим образом. Король закатил пир, выслушал внимательно рассказы Михаила о том, как он «победил» монголов, как их трупы до сих пор висят и истлевают на виселицах и со всей возможной учтивостью отказал сватам, сославшись на слишком юный возраст Анны, да и жениха тоже. «Приезжайте годика через два-три, тогда посмотрим». Возможно, отказывая, Бела IV вспоминал рассказы половецкого хана Кучука, пригретого им, о невероятной мстительности монголов — мстительности, у которой не было срока давности.

Вести, особенно неприятные, в любые времена распространяются быстро. Михаил, как человек бывалый, понимал, что неудачное сватовство сослужит ему плохую службу, особенно в свете разрушенного Чернигова и потерянного Киева. Да и, как повелось, беда не приходит одна: пришло странное сообщение, что из Владимира — Бог знает откуда — совершил рейд великий князь Ярослав на город Каменец, что в нынешней Житомирской области, на родовое гнездо жены князя Михаила, Феодоры, где ее и захватили в плен, и с той добычей удалился зачем-то князь во Владимир. Михаил с Ростиславом добрались до Польши, где Михаил надеялся договориться о помощи с родственниками. Но вести туда добрались быстрее. То, что Михаил потерял и Киевский престол, и Галицкий, что ему отказали в Венгрии — там уже было известно.

Но там же Михаила застала и удивительная новость — его жена Феодора, сестра князя Даниила, в результате стремительных переговоров была выменена у князя Ярослава Владимировского на непонятных условиях и привезена в Галич, к брату.

Польские родственники отказали князю Михаилу в военной помощи. Что оставалось Михаилу делать? Князь Михаил умел отступить — редкостное достоинство. Он едет в Галич, мириться с князем Даниилом, клянется не иметь вражды с ним, признает его главенство. Даниил отдает ему его жену Феодору и дает «на кормление» волынский город Луцк с окрестными землями, Ростислав же отправляется княжить в разрушенный Чернигов.

Новый 1240 год прошел под флагом внутримонгольских переговоров. Батый не спешил помогать Мунке, Батыю нужна была поддержка Мунке в сложных играх вокруг монгольского престола. Батый и Мунке договорились к середине августа, Мунке получил желаемое подкрепление. 5 сентября 1240 года началась осада Киева, а 6 декабря Киева не стало. Не стало ни людей, ни зданий — Мунке исполнил обет мести.

Киева не стало в материальном смысле, но престол-то остался!

И тут происходит нечто неожиданное — князь Даниил вызывает князя Михаила из Луцка и совершенно добровольно уступает ему киевский престол — великокняжеский престол!

Трудно судить, чем руководствовался князь Даниил — то ли подумал о невыполненной части обета Мунке, а именно самом князе Михаиле, и испугался налета монголов на Волынь, то ли не хотел себя связывать с разоренными городами, то ли вспомнил об унижениях, которые претерпел он от князя Михаила за их долгую родственную жизнь, и придумал для Михаила новое, доселе невиданное, унижение. Михаил принял дар от родственника — великокняжеский киевский престол и в 1241 году поехал снова княжить в Киев.

Жить в Киеве было невозможно: развалины, а над ними — невыветрившийся трупный запах и стаи стервятников. Начал он жить на острове напротив Киева. Жилище было всем хорошо, кроме одного — каждый день он мог лицезреть лишь разрушенный Киев и тучи стервятников над городом.

Помню, как-то один старец так объяснил, что такое быть в аду и гореть на сковороде. «Представь себе, что перед тобой проходят картины содеянных тобой ужасных поступков, ужасных последствий твоих поступков, злодеяний, совершенных тобой или из-за тебя, и ты все видишь теперь абсолютно ясно, не самообманываясь, но ничего уже не можешь изменить. И картины эти проходят перед тобой все время, бесконечно. Вот адова сковорода для твоей слишком долго спавшей совести».

Три года Михаил назывался снова великим князем Киевским, три года он не покидал своего острова. Три года он смотрел на погибший Киев и о чем-то думал. За это время в окружающем мире произошло множество интереснейших событий в духе сериала «игры престолов».

Как только князь Михаил начал снова значиться великим князем Киевским, а князь Даниил отвлекся на попытки вступить в переговоры и нащупать возможность альянса с монголами, как это уже сделал великий князь Владимирский Ярослав; из Чернигова выдвигается армия молодого князя Ростислава, подстрекаемого внезапно возникнувшими родственниками и надеждой как-то отличиться в глазах принцессы Анны и особенно

ее папы, армия Ростислава берет Галич, но ненадолго. Возвратившийся Даниил вышибает зарвавшегося племянника назад. На «добивание врага в его собственном логове», в Чернигове, у Даниила уже нет времени: монголы двинулись в новый, ошеломительно успешный разрушительный поход — через Прикарпатье, на Венгрию, Польшу.

Но в Каракоруме умирает великий хан Удэгей, и монголы сворачивают наступление на Европу — нужно решать свои дворцовые вопросы.

После монгольского погрома король Бэла IV начинает смотреть на многие вещи другими глазами, и когда в 1243 году князь Ростислав снова сватается к Анне (да и Анна хочет за него), то король дает добро — без всякого вмешательства папы жениха, князя Михаила — и отдает свою дочь за молодого князя Ростислава, тоже пострадавшего от монголов, да и явного врага своего соседа князя Даниила Галицкого.

Князь Ярослав Владимирский всячески демонстрирует свою приязнь и верность Батыю. И Батый начинает строить на Руси вассальное государство. Вместо более привычного для последующих западных империй принципа «разделяй и властвуй» Батый предпочитает сосредоточить всю власть на завоеванной территории в руках одного

человека из местных, который будет его вассалом. И в 1243-м Батый утверждает великого князя Ярослава Владимировича еще и великим князем Киевским.

Князь Михаил тихо покидает свой остров и уезжает в Чернигов, благо сын его Ростислав покинул Чернигов, перебравшись на постоянное место жительства в Венгрию. Откуда, впрочем, Ростислав будет еще нападать на владения дяди князя Даниила Галицкого — галицкий утерянный престол долго ему не будет давать покоя.

В это же время проявилась и подчиненность высших иерархов церкви политическим интересам Византии. В те времена Константинополь и часть Византии были оккупированы крестоносцами и шли затяжные переговоры при посредничестве папы Римского об освобождении. Неизменное условие папы — уния, объединение церквей — естественно, на его условиях. Появление на горизонте новой силы, монголов, было воспринято в византийских верхах как спасительное известие — надо было только с ними построить союзные отношения, а для начала — отношения не испортить. Поэтому, как только монголы появились вблизи Киева, митрополит Иосиф, присланный Вселенским патриархом из Константинополя, исчез, незаметно удалился в Византию — видимо, чтобы не оказаться в двусмысленном положении.

Князь Михаил хорошо знал митрополита Иосифа, во время своего княжения в Киеве неоднократно встречался с ним по всяким деликатным вопросам. Исчезновение митрополита и отсутствие каких-либо попыток греков прислать нового добавило масла на ту сковороду, на которой он жарился. Посоветоваться было не с кем — он оставался один на один с муками своей совести.

В 1243 году князь Михаил возвращается в разрушенный Чернигов.

И еще три года тихого сидения в Чернигове.

Молва потом говорила, что он не тихо сидел, а активно закулисно участвовал в мировой политике. Что, когда в 1245 году в Лионе был собор, то там был и активно действовал митрополит Петр, посланец князя Михаила, подбивающий европейцев единым фронтом выступить против монголов. Но что молва — молва, как известно, любит скользить по поверхности и красить все вокруг только в черные и белые цвета. Никакие архивы этой молвы не подтвердили.

В 1246 году князя Михаила вызвали в орду.

И далее все похоже на то, что герой уже описывал до того, пока ужас от фильма «1612» не побудил его заглянуть глубже в историю.

* * *

История требовала завершения. Наш герой ждал завершения. Завершение должна была дать жизнь.

И тогда он записал в свое ежедневнике — «встретиться с Ольгой».

Ольга была грустна. Валера ее оставил — наплевал на венчание и удалился в одностороннем порядке строить монастырь. Потом удалился из монастыря и стал священником — для тех самых людей, которые «бывшими не бывают». У нее была тяжелейшая финансовая ситуация — отжали бизнес, отжимали квартиру. Валера ей сказал: «Сама впуталась, сама выпутывайся — твои проблемы».

Прошло еще несколько лет. Продолжения все не следовало. Между тем доктора посетил необычный клиент. Он был одновременно и верующим, и алкоголиком. Считал себя православным. Выпивка принесла ему много неприятностей, но, видно, приносила и какое-то удовольствие, была какой-то отдушиной — с пьянством своим он по-серьезному не боролся. И тут тяжело заболел его священник, к которому он обычно ходил на исповедь. Старик обычно вздыхал и даже иногда плакал о нем, и его тянуло исповедоваться именно этому священнику. И, когда пастырь разболелся не на шутку, он торжественно обещал Богу, что бросит пьянство ради выздоровления священника. И не бросил. Священник умер. И теперь он пришел к психотерапевту с просьбой сделать

что-то с муками его совести — «хоть в петлю лезь». Предложение «ампутировать совесть» клиент с негодованием отверг, а решил «искупать». Но как искупить — было непонятно.

Клиент этот был как вестник. Что-то надвигалось — то ли беда, то ли невесть что. Доктор чувствовал переключку истории клиента с какой-то еще. Но какой — уразуметь не мог.

И тут позвонила Ольга: «Валера умер, помяни...»

Помянули и они с Ольгой. На 40 дней он оказался в Москве. И Ольга рассказала, что пришлось Валере недолго побыть военным священником — он перенес инсульт, был отправлен на пенсию. Речь у него полностью восстановилась, но с сердцем был неполадок. Он возвратился в Москву, долго извинялся перед ней, плакал даже, ссылаясь, правда, на «не свою волю и не свою необходимость», которым он не смел всю свою жизнь противостоять. Он купил однокомнатную квартиру на окраине Москвы с видом на Москву-реку. Он просил, чтобы она ему звонила. Она ему звонила. Так продолжалось три года. А однажды она позвонила, а он не ответил. Его нашли в кресле у окна. Возле, на полу, лежали тома житий святых Дмитрия Ростовского, изданных в Оптиной пустыни. Он что-то искал. Нашел ли?